

Аверинцев С. Язычество // Философская энциклопедия. Гл. ред. Н. Константинов. - М.: Советская энциклопедия, 1980.

Евтушенко О.В. Картина мира: от хаоса к космосу //Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Труды и материалы. – М.: МГУ, 2001.

Черепанова О.А. Концепт круга в структуре текста и в языке заговоров //Язык и поэтика фольклора. Доклады Международной конференции. – Петрозаводск, 2001.

И.П.Солодовник
г. Белгород, БелГУ

Тождество в античности

Тождество – сложное, многоаспектное, противоречивое и самое фундаментальное отношение философии, логики, лингвистики. Тождество относится к числу категорий, необходимых для рационального отражения действительности, это исходный пункт формообразования в языке. Формообразующая функция тождества известна с античных времен.

В античности сформировались не только предпосылки, но и многие положения современной теории тождества как в философии, так и в языке.

Гераклит рассматривал тождество как раздвоенное в себе единство («Eine mit sich entzweite Einheit»), несущее в себе противоречие, как подвижное противоречивое тождество (Klaus, 1971: 502; ФЭС, 1989: 117).

Один из основных тезисов философских концепций античности сводился к тому, что многообразие всех вещей является результатом дифференциации изначального тождества-возможности (Диоген Аполлонийский, А.Ф. Лосев, А.В. Гулыга и др.). Причем это было характерно не только для естественнонаучной мысли (прежде всего для ионийцев), которая во всей природе видела результаты изменения первоначала, изначального тождества, но и для языка, который рассматривался как естественный процесс, а все языки произошли от самого древнего (у ионийцев это был фракийский язык) (Троцкий, 1996: 16).

У элеатов (италийская школа досократиков) дифференциация имен становится источником многообразия вещей, предметы чувственного мира как бы создаются именами (там же, 17), имена даются по установлению.

Эти основополагающие для античной философии тезисы были характерны и для риторики, для формирования науки о языке. Уже достаточно отчетливо осознавалась фундаментальная роль тождества в структуре языка, структурные, стилистические (риторические) функции тождества как фундаментального логического отношения, как конкретного структурного отношения языка, в том числе и при формировании риторических фигур. Об этом свидетельствуют многие первоисточники. Досократик Анаксимен (милетская школа, 6 век до н.э.) видел равенство (фигуры равенства) в колонах фразы, т.е. отношения тождества между частями периода. Равенство усиливается созвучием, т.е. оно отмечается не только в составе,

обозначениях фраз, но и в одинаковом звучании (Античные теории, 1996:183). Варрон сравнивает происхождение форм слов от общего падежа с происхождением людей от общего предка, разграничивает грамматические формы слова как имеющие одно и то же происхождение и лексическое значение (Античные теории, 1996: 85; Амирова, 1975: 97-98).

Идея тождества в разных формах в большей или меньшей степени проходит через все диалоги Платона. Тождество здесь – это среднее между крайними позициями, часто со знаками «плюс» и «минус». Это мысль воспринята современной лингвистикой. Так, т.е. в диапазоне противоположных полюсов, структурируется семантическая сфера предложения, семантический континуум синтаксиса, описывается таксономия словаря (Степанов, 1981: 229).

В диалоге раннего Платона «Феаг» тождество – это нечто интуитивное, среднее между Богом и человеком (смертным), нечто, побуждающее к хорошим поступкам. В дальнейшем на основе этого положения формируются его идеи. Аналогичные мысли повторяются в диалогах «Пир» и «Федр» (Платон, 1994, 2: комментарии: 750). Примечательно, что прежде чем обсуждать основную тему диалога, Сократ призывает определить то, что они обсуждают, «дабы не выходило, что я часто разумею одно, ты же – другое» (Платон, 1993, 1: 113), т.е. призывает, как сказали бы мы сейчас, соблюдать закон тождества.

Дружба занимает срединное положение между добром и злом, а дружба – это стремление человека к подобному себе, любовь занимает срединное положение между божественным и человеческим миром (там же, 741). Мысль о срединном положении тождества и его посреднической роли была, как замечают М. Хайдеггер и другие философы, осознана и четко сформулирована европейским мышлением спустя более чем две тысячи лет.

В диалоге «Алкивиад-2» говорится о необходимости правильного мышления, об упорядочении хаотического, неорганизованного, материального разумным, целесообразным (прежде чем молиться, нужно разобраться, за что – за хорошее или злое). Известно, что гносеологическое тождество является высшим принципом мышления. Позже Аристотель сформулировал закон тождества как принцип мышления, запрещающий подмену предмета дискуссии, спора, диалога.

Тождество понималось Платоном вначале метафизически, как то, что не характеризуется отличиями. Это одна из мыслей диалога «Гиппий большой» (Платон, 1993, 1: 409-410).

О способности знания (знать вообще), рассудительности, о науке наук, о способности познания самого себя, о том, что знание, сознающее себя как знание – это идея в чистом виде, говорил Платон устами Сократа в «Хармиде» (там же, 1, 362, комментарий, 748). Эти мысли, которые лежат в основе концепций «чистого» знания, в учении о рефлексии, также связанной с тождеством, развиваются в других диалогах Платона, в работах Аристотеля, Лейбница, Локка.

Диалог «Кратил» известен, прежде всего тем, что в нём говорится об установлении имён. Здесь речь идёт также о тождестве смысла при различиях имён: «... сведущий в именах рассматривает их значения, и его не сбивает с толку, если какая-нибудь буква приставляется, переставляется, или даже смысл этого имени выражен совсем в других буквах» (там же, 62б). Тождество здесь воплощает устойчивость при изменениях вообще, а устойчивость слова обеспечивается смыслом, формируемым как результат связи, которая устанавливается между именем и его обозначаемым. «...Изображению совсем нет надобности воспроизводить все стороны того, что оно отображает, для того, чтобы ему быть изображением ... следует не переставать считать изображениями то, в чем чего-нибудь не хватает или что-нибудь добавлено» (Платон, 1993, 1: 54). И совсем отчетливо это перекликается с мыслями Соссюра о сущности тождества: «Вспомним, наконец, что слово может обозначать далекие понятия, а его тождество самому себе тем не менее не оказывается серьезно нарушенным» (Соссюр, 1977:141). Более последовательно эти мысли также выражены Аристотелем, для которого истинность (тождество) есть там, где есть связь. Для Аристотеля, как известно, связь между именем и обозначаемым – это связь по установлению (теория «тесей»).

Осмысление тождества в философии и языке через парадигму имени осуществлялось позднее, как мы знаем, в трудах А.Ф. Лосева, С.П. Булгакова, о. П. Флоренского, А.Л. Доброхотова, Д.И. Руденко и др. Диалектика тождества имени раскрывается в работах А.Ф. Лосева.

В «Софисте» Платон разграничивает бытие и становление, говорит об идеальности бытия и материальности становления (к «становлению мы приобщаемся телом с помощью ощущения, душой же с помощью размышления приобщаемся к подлинному бытию, о котором вы утверждаете, что оно всегда само себе тождественно, становление же всякий раз иное» (Платон, 1994, 2: 316). Бытие, таким образом, тождественно самому себе, оно идеально. Истинное знание (по Платону) связано со знанием неизменных объектов потустороннего мира, который является вечным, тождественным себе. В «Софисте», по словам А.Ф. Лосева, прослеживается диалектика пяти начал (бытия, движения, покоя, тождества, иного) (там же: 497), но Платон говорит только о диалектике тождественного и иного: объявлять иное тождественным, а тождественное иным он считал необходимым условием всяких рассуждений (там же: 333). Здесь, а также в диалоге «Парменид» (диалог Парменида с Аристотелем), он рассматривал категории тождественного и иного как мыслительный инструментарий для оперирования другими категориями, а операции разделения и отождествления считал необходимыми для осмысления мира (там же: 376 и сл.).

Диалектика единого сформулирована в известном тезисе А.Ф. Лосева как «подвижной покой самотождественного различия». Категории единого приписываются признаки тождества и иного. Это наиболее четкая формулировка диалектики тождественного и иного в едином.

В диалоге «Гезетет» говорится о различии тождественного и подобного, но тождественное подобно, а иное – не подобно. Так, если есть нечто текущее, то должно быть нетекущее, если есть относительное, то должно быть и абсолютное. Всё устойчивое в знании есть результат становления, но становление, взятое в чистом виде, не сознаваемо. Знания даются в результате столкновения физических свойств объекта с органами чувств. Поэтому знания даются в ощущениях. Это, как известно, стало распространённой точкой зрения (Платон, 1994, 2:12).

А Ф. Лосев указывает на тождество идеи и вещи в вещи же (вещественное тождество) в диалоге «Федон», на тождество идеи и вещи в идее (идеальное тождество) – в «Меноне» и «Пире» (Лосев, 1993: 376). В соответствии с принципом трансцендентальной философии, который характеризует эти и другие диалоги Платона, А.Ф. Лосев находит в обоих случаях становящееся тождество, активное и динамически-самополагающееся тождество (там же: 376). Он обобщает учение о диалектическом единстве идеального и материального как тождество идеи и материи в порождаемой вещи.

Часто цитируются слова Платона из его диалога «Тимей», где он говорит о неизменной сущности и постоянном изменении качества вещи («такой»), которое переходит в другие качества (Платон, 1994, 3: 453). «Вот так обстоит дело и с той природой, которая приемлет все тела. Её следует именовать всегда «тождественной», ибо она никогда не выходит за пределы своих возможностей, всегда воспринимающая всё, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в неё вещей» (там же: 453). Платон разграничивает, таким образом, неизменную сущность предмета («нечто», «то», «это») и его качество («такой»), которое изменяется, переходит в другие качества (там же: 617). Платоновская материя бескачественна, она всегда становится и меняется, не обладает самотождественным бытием (Самотождественным бытием обладает только космическая душа). У досократиков материя характеризуется устойчивостью.

У Платона тождество, как один из способов формообразования, связано с идеями, у Аристотеля – непосредственно с формой, хотя некоторые современные работы по философии, лингвистике, посвященные вопросам формы у Платона и Аристотеля, отмечают, что Аристотель противопоставляет материю не форме (*morphe*), а Эйдосу (*idea*), т.е. развивает учение Платона. Считается, что Аристотель предполагает разделение Эйдоса и материи как и у Платона, но Платон, как показывает исследования философов, сам не допускал этого дуализма. Предмет философского учения у Аристотеля – это «чтойность». «Чтойность» для каждой вещи есть то, что говорится о ней самой (Лосев, 1993: 723). Чтойность и есть смысловое тождество Эйдоса и материи, логического и алогического, потенциального и энергийного» (там же, 725). Подробно эти понятия обсуждаются в работе А.Ф. Лосева «Самое сам'о». Эйдос у Аристотеля – это творящее начало,

суть бытия вещи. Материя - возможность становления бытия (Лосев, 1994, 2: 115). «Необходимо, однако, признать истинным, что есть единое во многом, ибо если бы этого не было, то не было бы и общего, а, следовательно, и никакого доказательства. Должно, поэтому быть нечто единое и тождественное во многом, не как одноимённое» (Аристотель, 2: 276). Это важное положение наглядно отражает суть анафорического тождества в языке. Анализируя определение, Аристотель говорил, что для обоснования определения недостаточно сказать, что это «то же самое». Задача определения – установить, является ли нечто одним и тем же или разным. В учении о силлогизмах он говорит: «Нахождение же различий полезно для построения умозаключений о тождественном и различном, а также для познания сути каждой (вещи)» (там же: 371).

Истина – единство субъективного и объективного и поэтому ни то и ни другое есть также и то и другое (Hegel, 1971, 2: 180). Пустое общее по Аристотелю не существует само, оно реально как особенное, единичное, как существующее для другого (Hegel, 1971, 2: 227). Так же он рассматривает тождество: «Identität ist ein ganz abstrakte daher oberflächliche und leere Bestimmung; das wesentliche Sein aber ist die Wirksamkeit (Entelechie)» (Hegel, 1971, 2: 223). Тождество, как и общее, у Аристотеля пустое, но общее существует как отдельное, единичное, а тождество как действительность (Wirksamkeit – Entelechie). Истинно достойное бытие имеет только энтелехия; тождество следует понимать как такую энтелехию. Таким образом, Аристотель понимает тождество, с одной стороны, как общее абстрактное, поверхностное - это пустое тождество, с другой стороны, как конкретное тождество – это энтелехия, особенное, единичное (Hegel, 1971, 2: 223). Аристотель не допускал разделения идеального и материального и подчеркивал их тождество, критиковал Платона (по словам Гегеля) за разделение идеи и вещи. У Аристотеля идеи в вещах, идеи не могут быть абсолютно отделены от вещи.

Важным в философии тождества Аристотеля является его учение о причине. К понятиям Эйдоса и материи, их тождества добавляются понятия причины и цели, выделяются такие причины, как сущность (бытие) вещи, позже – форма, материя, движение, изменение и цель. У Аристотеля, так же как и у Платона, мы находим мысль о порождающей, креативной способности Эйдоса (идеи), или формы, возникающей из материи. Форма является причиной и силой, осуществляющей становление действительности, переход возможности в действительность. Тождество–возможность как общее, абстрактное переходит, под влиянием формы, в конкретное, особенное, единичное (энтелехию). Это совпадает с определением тождества. Именно в аспекте тождества вещи становятся тем, чем они есть. У Аристотеля, как и у Платона, тождество – это, как было сказано выше, категория, предназначенная для оперирования другими категориями. Эти положения используются для обоснования формообразования в языке.

Аристотелевская теория может рассматриваться как первоначальная теория концептуализма. Концептуализм занимает промежуточное положение между реализмом и номинализмом. Концептуализм Аристотеля ближе к реализму, концептуализм Локка к номинализму (Степанов, 1998: 715). В соответствии с аристотелевской теорией концептуализма знать вещь – знать суть её и возможность отождествления с другой. Он говорил об отождествлении на основе индивидуальных признаков и признаков класса, описывал тождество как дедуктивное понятие. Тождество-возможность, приобретая форму, становится действительностью.

Литература

- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. - М.: Изд-во Восточной литературы, 1975 (Амирова).
- Античные теории языка и стиля. – Санкт-Петербург: Алетея, 1996
- Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.2, 1978, т.4, 1984. – М.: Мысль.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993.
- Платон. Собрание сочинений в 4х томах. – М.: Мысль, 1990-1995.
- Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М.: Наука, 1981.
- Степанов Ю.С. Язык и метод. – М.: Языки русской культуры, 1998.
- Троцкий И. Проблема языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. – Санкт-Петербург: Алетея, 1996.
- Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989 (ФЭС).
- Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, B-de 1-3, B. 2. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun, 1971.
- Philosophisches Wörterbuch. Hrsg G. Klaus, M. Buhr. – Leipzig, 1971 (Klaus).

Сун Чжилань (КНР)
Сычуаньский институт
иностранных языков

Субстантивные фразеологизмы с компонентами номинаций родства

Дмитрева О. А. отмечает, что номинации родства (в дальнейшем НР) в своем подавляющем большинстве обнаруживают довольно высокую степень фразеактивности. Это определяется функциональной значимостью НР в системе языка и рядом других показателей: их относительно высокой частотностью в языке, преимущественной отнесенностью к исконной лексике и давностью происхождения, простотой слогового состава и деривационного строения, степенью ассимиляции иноязычных слов, а также антропоцентрическим характером их семантики (Дмитрева, 1984).

Райштейн А. Д. пишет, что мера семантической сложности компонентов лежит в широком диапазоне между нулевой и максимальной, не достигая в большинстве случаев ни того, ни другого предела. Это обуславливается, в первую очередь, неодинаковым уровнем фразеологической аб-